

Чжэн Каофу

Китай называют цивилизацией Конфуция. Но у Конфуция нет никаких оригинальных и ярких идей с точки зрения западного человека, на что обратил внимание монстр немецкой философии Гегель, заявив, что «для славы этого философа было бы лучше, если бы его произведения не были бы переведены».

В чём же дело?

А дело в том, что Конфуцию удалось нечто большее: он сумел уловить смысл человеческого существования и дух истории. Причём найти их не на Небесах, как делали религиозные вожди и пророки, а здесь, на Земле. Иногда даже говорят, что Конфуций создал ментальность китайского народа. Но это не так: Конфуций, как он сам говорил, ничего не создавал, а только передавал.

Я расскажу об одной такой передаче.

Чжэн Каофу был предком Конфуция в 7-м колене и жил в 8-м веке до н.э. в эпоху Чжоу. Он занимал высокие должности в царстве Сун и преданно служил на протяжении 50 лет трём сунским царям. Это были настолько разные по характеру правители, что нужно было обладать недюжинными чиновничьими способностями, чтобы оставаться у власти. Особенно в то далёкое время, когда головы слетали с плеч легко и часто.

Но Чжэн Каофу был не только государственным деятелем. Он был великим историографом и славился глубокими познаниями древней литературы. Правящий дом Чжоу доверил ему редактуру раздела «Гимны дома Шан» канона песен Ши цзин. Тогда этих гимнов было 12, дошедшая до нас Книга Песен содержит только 5. Для того чтобы сановник одного из царств был допущен к такой важной работе и разделил ответственность с главным историографом (он же главный музыкант) правящей династии, нужно было обладать выдающимися литературными способностями и высоким авторитетом.

И всё же не чиновничья служба и не литературная работа составили славу Чжэн Каофу. Он стал моральным образцом, дав своей жизнью пример преданности правителю и своей стране, заботы о народе, честности, и необычайной скромности. Пример чисто конфуцианский, хотя до Конфуция было ещё 200 лет.

А в наши дни с большим успехом идёт спектакль пекинской оперы «Чжэн Каофу». Режиссер Рен Мин говорит, что «эта пьеса уникальна своей приверженностью традиционным представлениям и отличается своей древностью, древними ритмами и древней элегантностью».

Спектакль выстроен вокруг двух историй. Первая - о том, как Чжэн Каофу организует людей на строительство плотины на реке Цзяохэ, чтобы предотвратить наводнения. Это явная аллюзия на Великого Юя, усмирителя потопа и основателя первой китайской династии Ся.

Вторая история начинается с меморандума о национальном запрете на алкоголь, который пишет Чжэн Каофу, чтобы убедить людей бросить распутство и пьянство и жить скромной жизнью. Но в Китае главное - чувство меры и гармонии, поэтому, конечно же, запрет не распространяется на свадьбы, ритуальные действия и т.п.

И всё равно это раздражает многих придворных. Они обвиняют Чжэн Каофу в том, что тот лицемерит, наслаждаясь роскошной, а не экономной, жизнью, и даже частным образом расплавляет золото, чтобы сделать треножник. Правитель Сун приказывает доставить этот треножник, но обнаруживает не золото, а обычный котёл для варки пищи с отлитой на нём надписью.

Эту надпись считают духовным завещанием Чжэн Каофу. Но интрига в том, что современному человеку, воспитанному на западных ценностях свободы и прав человека, с его нонконформизмом, эта надпись в лучшем случае непонятна, а в худшем - неприятна. Вот послушайте, что там написано:

«Получив первый раз царское повеление о назначении на должность — склонил голову; получив во второй раз царское

повеление о повышении в должности — склонил спину; получив в третий раз царское повеление о повышении в должности согнулся в поясице. Проходя по улице — двигаюсь осторожно, с почтением, держась вдоль стен домов. Поэтому никто не осмеливается презирать меня. В этом треножнике я варю и густую кашу, и рисовый отвар, дабы утолить лишь кое-как голод».

Может быть, поэтому переводчик «Исторических записок» Сыма Цяня - Рудольф Вяткин перевёл эту надпись с точностью до наоборот:

«Когда я служил первому гуну, передо мной склоняли голову, при втором — передо мной низко сгибались, при третьем — передо мной падали ниц. Когда же я проезжал по улице, никто не смел быть непочтительным ко мне. Когда готовили густую кашу или рисовый отвар, то меня всегда угощали».

Насмешник и анти-конфуцианец Чжуан-цзы тоже воспроизводит эту надпись, но, конечно, в явно иронической модификации:

«Каофу по прозвищу Траведный, получив первое назначение, опускал голову; получив второе назначение, горбился; получив третье назначение, клонился до земли и уползал вдоль стены. Кто не сочтет его образцом?»

Но, несмотря на иронию Чжуан-цзы, современные китайцы считают, что в словах Чжэн Каофу всё правильно. Кстати, они стали любимой цитатой председателя Си Цзиньпина, что многое говорит и о нём самом, и о современном Китае.

Идею пекинской оперы «Чжэн Каофу» китайцы выражают такими словами (в моём переводе): «Высокопоставленные чиновники не должны забывать об основных принципах, а основные принципы — это чаяния народа, рождающиеся в сердцах людей».

А вот строки из первого гимна дома Шан, отобранного Чжэн Каофу:

С глубокой древности и в прошлом
Прежние люди нам дали прекрасный пример:

Скромны и почитательны были с утра и до ночи,
Благоговейны в делах и несении службы.

Только похоже, что нам это как-то трудно принять. Может быть, в этом наши беды? О чём я и сочинил вот такое стихотворение:

ты хочешь голову вскинуть высоко
и смотреть не в тёмную землю, а глаза в глаза звёздного неба,
ты хочешь выпрямить спину -
довольно кланяться сильным мира сего,
презирай их, вынь язык из-за зубов,
ты хочешь подняться с колен,
и выдавливать раба из себя как из тюбика,
до полного опустошения,
и отряхивать прах с колен, прах этого мира
и всех других возможных миров, превращённых в прах,
ты хочешь выйти из тени домов и свободно идти,
без зазрения совести гордо звуча,
и тебе не важно, что думают люди,
люди вообще не важны,
ты сам хозяин своей судьбы,
ни от кого не зависишь, ни перед кем не склоняешься,
долой авторитеты,
иди не в кильватере, а ва-банк,
не на попятную, а по головам,
ты любишь свободу, равенство, братство,
потом уже только свободу,
и длинный рубль,
заставь других полюбить свободу,
а кто не хочет, тот не имеет,
не оглядывайся назад, в прошлом всё было плохо,
пусть мёртвые хоронят своих мертвецов,
делай, что хочешь, и тебе никто не указ,
всё, что не запрещено, разрешено,
и ничего не запрещено, кроме того, что порождает запреты:
народ, отечество, государство, семья и любовь,
отлей из золота треножник

и напиши на нём своё завещание:

«А пошли вы все нах!»

И люди будут помнить тебя в тысячелетиях,

если, конечно, люди ещё останутся

на руинах твоего рейха

дежавю.

Чжэн Каофу переворачивается в гробу.